

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 316.25

ВИКТОР ТАНЧЕР,

доктор философских наук, профессор Киевского национального университета культуры и искусств

Актуальные проблемы социологической науки (вступительная лекция к одноименному курсу)

Аннотация

Во вступительной лекции к курсу по актуальным проблемам социологической науки предлагается обзор ответов на ключевой вопрос, сопровождающий развитие социологической мысли: в чем состоит интеллектуальная идентичность социологии — в “чистой” науке, общественной деятельности или профессиональном искусстве? Представлены главные, по мнению автора, позиции и подходы к обозначенным проблемам, взгляды и концепции таких социологов, как М.Буравой, И.Валлерстайн, А.Гоулднер, Н.Смелзер и др. Обобщенный вывод сводится к констатации синкретического образа социологии как науки, социально-практической деятельности и профессионального искусства. Утверждается желательность направления социологии на взаимодействие с гражданским обществом и содействие гуманизации общественной жизни.

Ключевые слова: *проблемы социологии, интеллектуальная идентичность, публичная/гражданская социология, социологическое воображение, гражданское общество, гуманизация, социальная активность*

Проблемы — это общие, повторяющиеся, периодически актуализируемые вопросы, “не решенные и никогда не решаемые окончательно”. Это — средоточие наших подходов, ракурсов рассмотрения, теоретических трудностей и противоречий нашей социологической работы. Такое определение — не очень оптимистичное для социологической дисциплины в ее научном статусе, но весьма обнадеживающее в смысле больших перспектив касательно объема работ, необходимых в этом профессиональном процессе, — предлагает известный теоретик, автор книги “Проблемы социологии” Нейл Смелзер. Это — методологические, философские, идеологические и другие дискуссионные аспекты, присущие социологическому анализу, по-

лемикам и предпочтениям исследователей, которые имеют место “в сложной полифонии одновременных достижений, отступлений и повторений в наших ученых занятиях” [Смелзер, 2003: с. 21].

Отталкиваясь от идей и оценок таких ведущих теоретиков современной социологии, как Дж.Александр, М.Буравой, И.Валлерстайн, Дж.Ритцер, Н.Смелзер, П.Штомпка и др., я попытаюсь обобщить и представить обзор актуальных проблем социологической науки.

Среди вопросов, которые обычно не обходят стороной в своих дискуссиях социологи, выделяется ряд ключевых. Что такое социология? Социология для кого? Социология для чего? Каковы предмет и структура социологии? Вокруг ответов на них складывается проблемное поле современной социологической науки.

Проблема первая: что такое социология?

В чем заключается интеллектуальная идентичность социологии? В какой ипостаси она себя лучше всего оправдывает и репрезентирует — как наука, как общественная/гуманитарная деятельность или как искусство?

Очевидно, что интеллектуальная идентичность социологии кроется в научных основаниях, но возникла она из двух традиций: гуманитарной (история, философия, политика и т.п.) и сугубо научной (естественные науки как идеал, общественные науки, построенные по образцам естественных), а также, в определенной мере, из эстетико-этического подхода к общественной жизни (беллетристика, морализаторство в художественной литературе и т.п.).

В XX веке эти традиции разошлись — известный современный социолог И.Валлерстайн пишет о разрыве между гуманистической философией и научным знанием, о размежевании между истиной и добром как одной из причин нынешнего кризиса в социологии и призывает “интеллектуалов в эпоху перехода” к объединению интеллектуальной и моральной проблематики [Валерстайн, 2002: с. 42–67]. В наши дни с этим соглашается подавляющее большинство социальных исследователей.

Адекватная реакция социологов на вызовы XXI века усматривается в интеграции разных традиций постижения мира человеческой жизнедеятельности, воссоединения логик “двух культур” — гуманитаристики и науки — и в моральной ангажированности социальных аналитиков.

Итак, актуализируется проблема синтеза трех ориентаций в стратегии познания социальной реальности:

1. Научные ориентации — это исследования (конкретные), логические теоретические построения, точные формулировки; беспристрастность, объективизм, безоценочность, эмпирическая достоверность; точные методы и измерения.
2. Гуманитарные ориентации — это сосредоточенность на человеке, его мире, переживаниях, особенностях мышления и действий (ценностно обусловленных); озабоченность его положением (со всем тем, что связано понятиями “благополучие”, “доверие”, “страдание”, “справедливость” и т.п.), оценки в координатах человеческих представлений, образующих культуру (всегда определенную) — культурные стандарты, коды, ценности.

3. Художественная ориентация — это постоянный эстетический аспект видения предмета (в частности, через модели) и творческая выработка “социологического воображения” (по Ч.Р.Милзу), применение широких знаний (опыта) в объяснении социальной реальности (подобно “искусству исцеления” в медицине), использование интуиции, метафористики, художественных сравнений, синкретических образов и др.

Здесь социология очень близка к политике (как “искусству возможно-го”) с необходимым привлечением профессионального социологического этоса. То есть задача социологии — через художественное отражение и “социологическое воображение” объединить разные типы опыта и познания.

Как эти ориентации, подходы, видение социологической дисциплины представлены в разных ипостасях социологии нашего времени?

Социология как наука. Самый главный признак науки состоит в сосредоточении на поиске закономерностей внешнего мира, прежде всего законов естественнонаучного типа, в логическом обосновании, демонстрации каузальности, или выявленных детерминистских зависимостей в исследуемом объекте, в эмпирическом подтверждении выводов, доказательстве возможности измерения, ранжирования, систематизации связей, факторов и т.п.

Собственно в таком виде социология создавалась по образцам естественных наук (как “социальная физика”) и получила свое воплощение в классических теориях позитивизма О.Конта, “социального фактизма” Э.Дюркгейма, “исторического материализма” К.Маркса, “рационализации мира” М.Вебера и др., заложив основы научного объективизма. Именно эта традиция, инициированная основоположниками социологии, стала ее “мейнстримом”, главной ее репрезентацией и обоснованием ее как науки.

Следует отметить, что такое акцентирование научной объективности наталкивалось на критические обвинения как со стороны представителей естествознания, которые указывали на ее слишком “мягкую” научную обоснованность, многофакторные зависимости, отсутствие строгости, четкости, квалитативной неоспоримости доказательств социологических выводов, так и со стороны гуманитариев, обвиняющих социологов в том, что те посягают на традиционно философские сферы осмысления социального мира, используя при этом упрощенные схемы и необязательные вычисления и измерения типа “средней температуры по госпиталю”.

Однако социология упорно доказывала свою научную состоятельность, совершенствовала исследовательские возможности, демонстрировала действие аналитической способности отражения и объяснения общественных явлений и процессов. И хотя вершиной такого эволюционного созревания социологической науки я считаю создание Т.Парсонсом общей теории социального действия и социальной системы и разработку основных положений структурно-функционального анализа (с дополнениями и коррекциями Р.Мертоня), эта работа никогда не признавалась законченной, не прекращалась и успешно продолжается.

Презентация социологии в виде научной дисциплины, изучающей социальное действие и социальный порядок, или, иными словами, социальные отношения, социальную структуру, социальные институты как отправные, определяющие объекты рассмотрения и объяснения социальной реальности, по мере исторической эволюции обогатилась положениями касательно ее имманентной специфики, разграничивающей обществоведческие

и естественные науки. Начиная с М.Вебера социология все больше и больше учитывает культурное содержание и исторические формы социальных явлений как неповторимых, их бесконечное многообразие и многофакторность, что делает невозможным и открытие закономерностей и причинных связей естественнонаучного типа и выведение точных формул, однако дает основания для понимания “жизненных явлений в их культурном значении”, в соотношении с ценностным миром людей определенного времени и места. Именно М.Вебер (и не только он), определяя пределы законодательного разума, “продемонстрировал образец ответственности ученого-обществоведа, который трезво и методично отрицает использование понятий в качестве прокрустового ложа, в которое втискивают историю” [Кутуев, 2009: с. 187]. В лучших примерах современных исследовательских программ этот принцип находит свое воплощение. В то же время Вебер в своих работах показал пример сочетания двух ипостасей социологии, что в еще большей мере воплотилось в работах его преемников.

Таким образом, социология является наукой в достаточной мере точной, однако ее научность, точнее доказательность, отличается от научности естественных наук. Специфика научного характера социологии, исходя из этого, остается постоянным предметом озабоченности социальных теоретиков.

Социально-практическая, общественная деятельность по гуманизации общественных процессов. Такое видение социологической работы прежде всего означает сосредоточенность на человеческих действиях в человеческой среде (то есть на “социальных действиях”), на рассмотрении жизнедеятельности человеческого существа под углом зрения улучшения гуманистических составляющих его существования и направления действий в координатах таких понятий, как благополучие, счастье, солидарность, справедливость, безопасность и др., то есть во всем разнообразии социокультурных измерений человеческого существования. Это предполагает акцентирование внимания на активной роли социального исследователя в общественной жизни, на созидательных, креативных задачах познавательной деятельности, на критике существующей общественной организации с гуманистических, антропоцентрических (порой утопических) позиций.

Данное понимание социологии воплотилось в таких взглядах и концепциях, как революционные идеи и программы К.Маркса и Ф.Энгельса, положения “понимающей социологии” М.Вебера, концепт “гуманистического коэффициента” Ф.Знанецкого, “символический интеракционизм” Дж.Мидда и др. В них отстаивается принципиальное отличие социогуманитарных наук от естественных, необходимость дополнения объективной фиксации и логического объяснения общественных явлений интерпретацией субъективных отношений, оценок и интересов социальных субъектов, вниманием к активно-преобразовательному, гуманизирующему потенциалу социологического знания.

Однако в наибольшей степени такой подход воплощался в социально-политической критике общественной организации в социологической аналитике, например в развенчании целей “правлящей элиты” Ч.Р.Милзом, отрицании антигуманистических основ капиталистического порядка социологами Франкфуртской школы и их последователями, разоблачении апологетического характера “истеблишмент социологии” леворадикальными социологами, такими как А.Гоулднер, Г.Маркузе, Н.Бирнбаум и др., идеях

социологического активизма А.Турена, неомарксистской критике современных общественных тенденций и т.п.

Ярким примером такого трактования социологии является современная концепция “публичной социологии” (или “общественной социологии”) М.Буравого. Он призывает социологическое сообщество преодолеть углубляющуюся “пропасть” между социологическим этосом и тем миром, который мы изучаем. Пафос обращений Буравого (в частности как президента Международной ассоциации социологов) к коллегам заключается в том, чтобы “разными способами объединить усилия исследователей и самых разнообразных групп общества” ради улучшения условий человеческого существования. Особое ударение М.Буравой делает на необходимом вкладе социологии в дело развития гражданского общества, защиты его от наступления государства и рынка. То есть социология в понимании М.Буравого является не только наукой, но и моральной и политической силой [Буравой, 2007; Burawoy, 2006].

Художественно-публицистическая деятельность, профессиональное искусство. Исторически третья ипостась социологии не только как науки, но и как общественной и художественной деятельности, выходящей за рамки “чистого знания”, акцентирует зависимость этой деятельности от потребностей и интересов общности, запросов людей, на которые должна ориентироваться работа социологов, на учете иррационального и нелогичного в человеческой жизнедеятельности, на привлечении по мере необходимости внаучных стандартов и методов постижения социальной реальности.

Это область столкновения социологии и социальной политики, общественной теории и идеологии, социологической аналитики и художественного отражения общественных явлений. И здесь социологии зачастую приходится доказывать свои преимущества. Политические программы и идеологические движения, вроде бы претендующие на социологическую обоснованность, получают массовую поддержку и популярность (достаточно вспомнить распространенность в XX веке коммунистических идей и программ социальной перестройки мира). В свою очередь, художники демонстрируют возможности художественного отображения социальной реальности такой степени проникновенности и точности, которая недостижима для научной аналитики. По моему мнению, американский кинематограф показал социальные процессы 20–30-х годов прошлого века в США лучше (вспомним хотя бы фильмы Ч.Чаплина), чем социологические исследования Чикагской школы, которые представляют собой один из лучших примеров эмпирической и теоретической результативности в нашей дисциплине. При этом обрисованное в рассказах И.Франко положение рабочих в Западной Украине на рубеже XIX и XX веков было гораздо более убедительным, чем его попытки обобщения социологической статистики, то есть сугубо социологические описания.

Еще более выразительные черты такого художественно-метафорического осмысления общественных явлений мы находим в нынешней постмодернистской социологической литературе. Воображаемые образы, метафоры, сравнения — все это приходит на помощь, когда недостает точного определения и оценки социальных процессов в их начальных, еще не очерченных, неуверенных формах. Это заметно в работах таких известных аналитиков современности, как З.Бауман, У.Бек, П.Бурдьё, Ж.Бодрийяр, и многих

других. Здесь социология переплетается с политической публицистикой и художественной образностью.

Для такого типа социологии характерно прежде всего акцентирование на социокультурных и политических последствиях применения социологических знаний, их активно-креативной функции, на метафорически-художественной форме подачи социально значимой информации и концептуализаций. Выразительнее всего этот тип социологического видения проявился в радикальной социальной критике в социологии, леворадикальных и неомарксистских идеях последователей Франкфуртской школы, прежде всего в популярной публицистике Г.Маркузе, Э.Фромма, во взглядах И.Валлерстайна, Ю.Хабермаса, А.Турена и др.

Попыткам определения признаков принадлежности к каждому из очерченных типов социологического анализа пришлось сталкиваться как с внешней критикой, так и с внутренними ограничениями. Однако проблема, на мой взгляд, не в том, где проводить разграничительные линии, а в том, чтобы определиться, что собственно уже не является социологией. Экспансия социологического видения наблюдается на всем гуманитарном поле. Принадлежность к определенному типу идентификации, разумеется, условна; некий синкретизм всегда присутствует. Скорее можно говорить о взаимопроникновении ориентаций, частичном взаимоналожении ипостасей социологической работы. Хотя можно отметить историческую эволюцию от превалирования проектируемой модели социологии как “точной”, логико-объективистской науки к более интерпретативным моделям с примесью черт художественной образности, обращениями к социальному активизму, социополитической ангажированности.

Проблема вторая: социология для кого?

Известно, что с момента зарождения нашей науки социологи спорили: что должно быть главным предметом исследования — социальный порядок или социальные изменения, структура или ценности, роли или символы, взаимодействие или конфликты и т.д., и т.п.

Кто является главным потребителем социологических знаний и рекомендаций? На кого они должны быть нацелены? Тривиальный ответ — общество — требует прояснения.

Общество — это что или кто?

- Объединение людей в пределах государства. Действительно, все общественные науки были порождением доминирования государства-нации в XIX–XX веках, именно в этой форме развивались человеческие сообщества. А раньше или в ближайшем будущем? Все это, по общепринятому определению Б.Андерсона, “воображенные сообщества”, то есть умозрительные конструкции, творение социальных теоретиков и одновременно реализованный проект слияния национальной экономики, государственного устройства, общества и культуры в современные национальные общества. Однако во времена глобализации экономики, политики, информации, культуры и т.п. такое понимание порождает множество вопросов, хоть и остается определяющим основное наполнение понятия “общество”.
- Совокупность социальных групп, организаций, институтов: семья, круг знакомых и сотрудников, местная община, религиозная община,

профессиональная ассоциация, промышленная корпорация, этническая группа, общественно-политические движения и т.п. То есть структуры мезоуровня — то, что имел в виду Г.Зиммель в своих концепциях “кругов” и “сетей групповой принадлежности” (см.: [Смелзер, 2003: с. 50–65]). Благодаря этим связям общественная жизнь становится реальной для индивида, там формируется гражданская культура, ценностно-нормативные принципы, социально структурированная ориентация индивидов.

- Члены международных корпораций, приверженцы мировых религий, жители континентов, расы — все это тоже варианты “общества”, когда мы употребляем такие определения, как, к примеру, христиане, чернокожие, латиноамериканцы, работники “макдональдсов” или “хюндай” и др.

Приведенные выше три уровня рассмотрения и толкования “общества” — макро-, мезо- и глобальный — общеприняты в наши дни в социологии.

Кроме того, под “обществом” понимают:

- человеческие массы, многочисленные единицы, образующие общество, совокупность ролевых, гендерных, национальных, возрастных и профессиональных сообществ, а значит, определенные связи, зависимости, объединяющие их в целое (общественный организм, социальную систему, ансамбль позиций, ролей, статусов и т.п.);
- выделение сети взаимосвязей (“социальная грамматика”, “чистые формы ассоциации” или структуры);
- люди формируют коллективы и группы посредством деятельности, действий, поступков; общие дела являются первичным материалом, на котором формируются общественные связи, процессы, вся система, то есть общество как конгломерат человеческих действий (какие действия — такое общество);
- человеческие действия имеют определенные навязанные извне черты, которые определяются средой (местом, временем) — совокупностью значений, смыслов, символов, правил, ценностей, то есть культурой, что и определяет сущность “общества” (Луман, Штихве, 1999).

Иначе говоря, объект социологии не является статичным, он пребывает в движении, быстро изменяется, является текучим. Можно говорить о бесконечной эволюции взглядов на общество с семи ракурсов, или исходных точек зрения:

1. Демографическая — популяция, совокупность отдельных единиц.
2. Групповая — группы, интегрированные в целое.
3. Системная — внутренние связи статусов и ролей.
4. Структурная — сеть связей (совокупность не объектов, а форм, моделей связей).
5. Активистская — конгломерат взаимообусловленных действий.
6. Культурная — матрица определенных коллективных смыслов, символов, правил, которые обуславливают человеческие действия.
7. Событийная — непрерывно пульсирующее поле событий.

В социальном поле группы осуществляют в отношении друг друга культурно мотивированные и означенные, структурно упорядоченные действия и в этом процессе изменяются сами, образуют новые социальные группы, структуры, наконец, культуру, которая, в свою очередь, создает контекст и

предпосылки дальнейших действий. То есть общество находится в процессе постоянного формирования, “становления”.

Эти семь парадигм являются взаимодополняемыми, существующими одновременно (например, такие объединения, как семья, образовательное сообщество, профессиональный или досуговый круг и т.п.).

Для разных исследовательских целей используют разные подходы, но более сложные не исключают более простых.

Как видим, определения общества, которыми пользуются социологи, разномасштабные, разроуровневые, разнокачественные, акцентированы на разных его составляющих. То есть это понятие весьма размыто, не является четко очерченным, — оно такое, и такое, и такое... Если мы назначаем его основным объектом, реципиентом и одновременно заказчиком социологии, то вынуждены согласиться с многогранностью, разнообразием и разнокачественностью этого назначенца. По моему мнению, лучше использовать в этом качестве понятие “гражданское общество”, подчеркивая гражданские (общностные, общинноформирующие) и социокультурные факторы объединения людей.

Существует мнение, согласно которому главная польза от социологических исследований — в их практическом применении, во вспомогательных, совещательных функциях для социальной политики на базе мониторинга и объяснения общественных процессов. Такой прикладной акцент ставит их в зависимость от того, кого социология обслуживает. Как правило, это власть (правительственные институты, руководство политических группировок, высшая бюрократия, крупный бизнес). Это так, и не совсем. Настоящий социолог всегда ощущает “дыхание общества”, его потребности, желания, ожидания, реальные интересы различных его слоев. Это неформальное влияние плюс личная позиция исследователя будут отражаться на результатах исследований, кто бы их ни заказывал.

Упомянувшийся выше М.Буравой утверждает, что жизненность профессиональной социологии зависит от утверждения идей общественности, “которая является жертвой буржуазного прогресса” [Буравой, 2007]. Община, по его словам, является силой, которая противостоит дегуманизирующему рынку и неолиберальной идеологии современного государства. К этой силе я бы добавил еще развитие настоящей демократии, благодаря содействию которой родилось и стало востребованным социологическое знание. Утверждение демократических принципов и будет гарантом развития социологии.

Итак, на вопрос: “**Социология для кого?**” — лучшим ответом будет: “Для гражданского общества”, а не общества вообще или какой-то его части. Вместе с тем социология всегда адресная, в каждом конкретном случае. Иначе говоря, она предназначена для тех, кому может оказаться полезной (по аналогии с рекомендательными письмами, адресованными “для тех, кого это касается”). То есть социология обращена к мультиобщностному человечеству, социально структурированному и мотивированному в своих действиях, целях и ценностях, и отражает общественное движение во всем его противоречивом разнообразии.

Проблема третья: социология для чего?

Как научная дисциплина и как социально-практическая деятельность социология направлена, опять-таки, на познание социального существова-

ния человечества с целью его (существования) совершенствования, улучшения. То есть социология призвана выполнять определенную просветительскую, гуманитарную миссию.

В то же время нельзя обойти вниманием амбивалентность такого назначения социологии в реалиях ее институционального функционирования. С одной стороны, она обслуживает общественную организацию, государство, власть, в рамках которой институционализована, призвана работать на эффективность управления, решение тактических вопросов и общих проблем социальной политики, актуализацию изменений и улаживание конфликтов, на реформирование и совершенствование социальных взаимодействий и т.п. С другой стороны, гуманизационная миссия диктует направленность на выявление недостатков существующего социального управления, на раскрытие негативных последствий тех или иных решений, обуславливает потребность становиться на защиту интересов тех, кем руководят, угнетенных и дискриминированных, ориентированность на критику существующего с точки зрения сопоставления с идеалами, желаемыми образцами (типа общества “всеобщего благоденствия”, “народной демократии”, “свободы, равенства и братства” и т.п.).

Речь идет о традиционном размежевании настроенности в нашей дисциплине на обслуживающее и критическое понимание своих основных назначений. Так исторически сложилось, что существовали два типа социологической работы: прикладная (социально-политическая, управленческая, проблемно-разрешательная, аналитически-мониторинговая, реформистская и др.) и критическая (разоблачительная, идеологически окрашенная, радикалистская и т.д.) — в виде концепций социального критицизма, феминизма, левого революционализма и т.п.

С самого начала формирования социологической науки в ней присутствовали обе стороны: сначала превалировала первая — от Контового лозунга “Порядок и прогресс” как цель внедрения социологических знаний через направленность на познание общества для его совершенствования и вплоть до разработки системного, структурно-функционального подхода, настроенного на преодоление отклонений и дисфункциональности, на социальный контроль и гармонизацию общественных отношений. В 1960-х годах на социологическую авансцену вышли социальные критики: последователи Франкфуртской школы, леворадикалистские теоретики, сторонники возрождения неомарксизма. С той поры две мало совместимые ориентации сосуществуют в одной дисциплине.

Именно в 1960-е годы был поднят вопрос, с кем должны быть социологи в условиях социальных противостояний. Сторонники социального критицизма единогласно определились, против кого они (ясное дело, против “правлящей элиты”, олигархического капитала, военно-промышленного комплекса и, кстати, против “истеблишмент-социологии”). С тем, кого нужно защищать, было сложнее. Впрочем, ведущий представитель этой когорты социологов — А.Гоулднер — примерно очертил ответ на этот вопрос: всех, кто не получает выгоды от действующей системы, страдает, подвергается эксплуатации, дискриминации. В своей известной статье “Социолог как партизан” он призывал социологов стать пращей в руках Давида (как олицетворения угнетенных), который одолеет Голиафа (то есть современный общественный строй); упорно отстаивать свои убеждения, создавать “новую, гуманистическую социологию”, чтобы исследователи, избавившись от мифа о ценностной нейтральности

ти, заняли активную позицию по исследуемым проблемам и отстаиванию прав обездоленных [Gouldner, 1968: p. 103–116].

В таком же духе в наше время выступает М.Буравой, но с несколько иными акцентами. Пафос его “публичной социологии” направлен на “диалог с группами общественности”, сторону которых должна принять социология в противостоянии с властью, на моральные стимулы и составляющие социологической работы. Если “диалектика прогресса”, рынок и неолиберальная идеология игнорируют моральные критерии общественного развития, то “социологический дух” должен этому препятствовать. Для такого ученого социология является безусловно ангажированной наукой, и целью ее должны стать гуманистические принципы гражданского общества.

М.Буравой условно делит социологическую работу на четыре типа — профессиональную, критическую, прикладную и публичную — и провозглашает, что критическая социология является совестью профессиональной социологии. Он призывает, вслед за своим известным предшественником 1950-х годов Ч.Р.Милзом, к неделимости исследовательских и моральных составляющих социологии. Так оно и было в лучших образцах социологической мысли прошлого, и в идеале так должно быть и дальше. Моральные ценности и цели познания тесно связаны. Как отметил по этому поводу один социолог, до Хиросимы ядерные физики тоже считали себя “чистыми теоретиками” [Ручка, Танчер, 1992: с. 199–218]. Однако такая очевидная истина до сих пор остается проблемой в социологической работе.

Затронутые три вопроса являются исходными для всего круга социологических проблем, связанными с ответами на них. Однозначности здесь быть не может, поскольку социология вообще вырастает на разнообразии, многофакторности, амбивалентности, противоречивости, которыми собственно характеризуется социальная реальность. Очерченные проблемные поля присущи социологической дисциплине в целом (но кроме них существует еще целый ряд). Значит, изучение и адекватная реакция на них являются постоянным предметом социологической науки.

Источники

Буравой М. Публичная социология / М. Буравой // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2007. — Т. 10, № 4. — С. 27–44.

Валерстайн И. Интеллектуали за доби переходу / И. Валерстайн // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2002. — № 3. — С. 42–57.

Кутуєв П. Соціологія: історичні витоки та сучасні трансформації / П. Кутуєв // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2009. — № 3. — С. 183–206.

Ручка А. Очерки истории социологической мысли / А. Ручка, В. Танчер. — К., 1992. — С. 199–218.

Смелзер Н. Проблеми соціології / Н. Смелзер. — Львів, 2003. — 128 с.

Танчер В. И. Валерстайн про виклики соціології XXI століття / В. Танчер // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2002. — № 3. — С. 57–67.

Burawoy M. Public sociology for human rights [Electronic resource] / M. Burawoy. — N.Y. : Public sociology reader, 2006. — Access mode : www.old.jourssa.ru.HYPERLINK “<http://www.old.jourssa.ru./2007/4/1в>”/2007/4/1в Burawoy pdf.

Gouldner A. Sociolog as Partisan / A. Gouldner // The American Sociologist. — 1968. — № 3. — P. 103–116.